

Паола Волкова, Наталия Басовская и другие

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

БОЛЬШАЯ КНИГА ИСТОРИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ

Издательство АСТ
Москва

Художественное оформление серии *Виктории Лебедевой*

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фотопропродукции произведений искусства, находящиеся в общественном достоянии, фотографии, распространяемые по лицензии Creative Commons, а также изображения по лицензии Shutterstock.

Волкова, Паола., Басовская, Наталия и др.

С75 Средневековье: большая книга истории, искусства, литературы / Паола Волкова, Наталия Басовская и др. — Москва, Издательство АСТ, 2020. — 688 с. : ил. — (Большая книга искусства и истории-).

ISBN 978-5-17-120264-4

Перед вами «Большая книга Средневековья», в которой собраны труды известных деятелей искусства, истории и литературы для того, чтобы пролить свет на так называемые «Тёмные века». Этот период оставил свой уникальный след в живописи, литературе, архитектуре, скульптуре. Он подарил миру таких выдающихся деятелей, как святой Франциск Ассизский, Бонавентура, Джотто ди Бондоне, Данте Алигьери, Андрей Рублёв, Феофан Грек. Эпоха длиною в тысячу лет, которая определила развитие культуры на многие столетия вперёд.

Наталия Ивановна Басовская, доктор исторических наук, расскажет о самых значимых событиях через живописное изображение ярчайших представителей эпохи. Паола Волкова, искусствовед и признанный деятель искусства, не только нарисует «культурный ландшафт» Средневековья, но и проанализирует причины его становления и влияние на последующие периоды.

Недостаточно рассказов специалистов, чтобы прочувствовать эпоху потому, что только написанные в то время произведения способны передать все оттенки, всю самобытность далёкого периода, именно поэтому в сборник включены несколько оригинальных произведений: «Божественная комедия» Данте Алигьери, рыцарский роман «Тристан и Изольда», а также самый известный трактат выдающегося теолога и философа Средних веков Фомы Аквинского — «Сумма теологии».

УДК 94(4)»04/14»
ББК 63.3(0)4

Научно-популярное издание

Паола Волкова. Наталия Басовская и др.
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: БОЛЬШАЯ КНИГА ИСТОРИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ
Большая книга искусства и истории

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Подписано в печать 15.10.2019. Формат 84x108/16 Усл. печ. л. 72,24
Тираж 3000 экз. Заказ №

12+

Зав. редакцией Анна Рахманова. Ведущий редактор Светлана Якубова
Дизайн обложки Виктории Лебедевой
Корректоры А. Шапошникова, А. Рождественская, К. Чазова, М. Крыжановская
Технический редактор Т.П. Тимошина. Компьютерная верстка Анны Грених

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008): — 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2020 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705, помещение I, этаж 7
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжаймыз : www.ast.ru. E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында наразылықтарды қабылдау
бойынша өкіл -«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы

қ.Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91 ,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz , www.book24.kz Тауар белгісі: «АСТ»

Өндірілген жылы: 2019

Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

Предисловие

Перед вами «Большая книга Средневековья», в которой собраны труды известных деятелей искусства, истории и литературы для того, чтобы пролить свет на так называемые «Тёмные века». Этот период оставил свой уникальный след в живописи, литературе, архитектуре, скульптуре. Он подарил миру таких выдающихся деятелей, как святой Франциск Ассизский, Бонаventura, Джотто ди Бондоне, Данте Алигьери, Андрей Рублёв, Феофан Грек. Эпоха длиною в тысячу лет, которая определила развитие культуры на многие столетия вперёд, глазами тех, кто посвятил свою профессиональную жизнь изучению этого периода.

Наталья Ивановна Басовская, специалист по истории Средних веков, доктор исторических наук, расскажет о самых значимых событиях через жизнеописание ярчайших представителей эпохи. Правители, философы, войны, священники, путешественники — все они знакомые личности, которых история окрестила героями, злодеями, святыми. Как и почему это случилось, что об этих лю-

дях думали современники и как мы сейчас оцениваем их. Ответы на эти и многие другие вопросы вы найдете в разделе «Все герои мировой истории. Средневековье».

Паола Волкова — советский и российский искусствовед, историк культуры, автор многочисленных книг и признанный деятель искусства. «В пространстве христианской культуры» рассматривает понятие культуры в самом широком смысле этого слова, анализирует становление исторического и духовного образа Средневековья, и то, как эти изменения отразились в искусстве. Отдельная глава посвящена русскому искусству. В ней подробно рассмотрено, как формировалось русское художественное сознание, как развивались различные направления, отдельное внимание автор уделяет иконописи и самым выдающимся художникам того времени, работавшим в этом направлении.

Недостаточно рассказов специалистов, чтобы прочувствовать эпоху, потому что только написанные в то время произведения способны передать все оттенки,

всю самобытность далёкого периода, именно поэтому в сборник включены несколько оригинальных произведений.

Фома Аквинский — один из крупнейших средневековых теологов и философов. «Сумма теологии» считается его главным произведением. В нём Фома Аквинский систематизировал накопленные знания по онтологии, гносеологии, этике, вопросам теологии, коснулся эстетики. «Сумма теологии» состоит из трёх частей. Каждая часть представляет собой трактат, который разделен на вопросы. В заглавие каждой главы выносятся спорный вопрос, далее приводятся аргументы от лица оппонентов, затем автор предлагает собственное решение вопроса и отвечает на положения оппонентов. В приведённом нами издании рассматривается ряд ключевых вопросов, которые сохраняют свою актуальность и по сей день, а комментарии и подробные объяснения Константина Бандуровского помогут понять и оценить всю глубину мысли.

«Божественная комедия» Данте Алигьери не нуждается в представлении, написанная в начале XIV века, она являет-

ся одним из величайших памятников мировой культуры. Поэма делится на три части: «Ад», «Чистилище» и «Рай». Согласно католической традиции, загробный мир состоит из ада, куда попадают навеки осуждённые грешники; чистилища, где находятся искупающие свои грехи, и рая — обители блаженных. Мы предлагаем читателю начать знакомство с бессмертным творением с самой захватывающей части — «Ад».

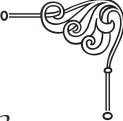
Не только мрачными «Адом» и «Чистилищем» славится средневековая литература. Именно в эту эпоху появляется один из самых эпичных жанров — рыцарский роман. Сказочное повествование о смелых рыцарях и прекрасных дамах, о дальних странствиях и о великих подвигах, совершённых во имя любви. «Тристан и Изольда» — один из самых известных представителей этого жанра. Сложенная из множества прообразов древних сказаний эта история настоящей любви с печальным концом, появившаяся задолго до Шекспира и его трагедии «Ромео и Джульетта», но до сих пор не теряет своего очарования, что подтверждают экранизации.

**В ПРОСТРАНСТВЕ
ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Чья рука, летучая как пламень,
По страстным путям меня ведет?
Под ногой не гулкий чую пламень,
А журчанье вещих вод.

М. Волошин

И стены пасмурной тюрьмы
Одною силой жизни мы
Перед собою раздвигали.

М. Волошин

Гений и философия

Франциск Ассизский и Джотто Бондоне

ПОСРЕДИНЕ МИРА

Он шел босым в одном лишь рубище по лесу. Падал хлопьями снег. А он шел неведомо куда, оставив отчий дом, и пел. Он пел о Боге, о любви, о страстной и бесплотной всеобщей любви к людям, Богу, земле, птицам, травам.

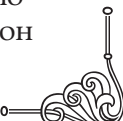
Хвала Тебе за землю, нашу мать,
Которая нас на себе покоит,
Заботится о нас, плоды приносит
И травы разные и пестрые цветочки...¹

Он ничего не боялся, не имел расчета, сердце его было преисполнено Богом и поэзией. Его звали Джованни Бернардоне, и был он единственным сыном богатого торговца сукном и другими тканями в городе Ассизи в Умбрии.

¹ «Цветочки Франциска Ассизского» (Перевод А. Ельчанинова). СПб., 2006, с. 336.

Джованни Бернардоне — юноша впечатлительный, утонченный — плоть от плоти окружающей его мягкой поэтичности родной Умбрии.

Тающая синева небес, тонкая очерченность холмов, пушистость раннего цветения на картинах Рафаэля, Перуджино, Пьеро делла Франческа. Весь настрой нежной, молодой, однако и твердой, таинственной земли Тосканы способствовал деятельному поэтическому гению этих мест. Тогда, на рубеже XII–XIII веков, возникла мода на любовную и религиозную песенную лирику странствующих бардов, менестрелей и жонглеров из Франции. Странствовали группы и балаганы в праздники и ярмарочные дни. Но особенно популярны были жонглеры, которые умели все: и петь, и ходить на руках, и быть или казаться чуть-чуть юродивыми. Легенду о «Жонглере Богоматери» знали все. Молодой человек не знал ни молитв, ни грамоты, но страстно, всем сердцем возлюбил Пречистую Деву. Свое служение он

доказывал, выделявая антраша, исполняя песни-молитвы собственного сочинения. Однажды во сне Пречистая явилась ему и в знак благосклонности укрыла сына своего покрывалом, обласкала улыбкой, сиянием глаз небесной чистоты. Эту легенду очень любил юный Джованни. То была куртуазная культура впечатлительного и бурного времени. Джованни был молод, всем своим существом включен в жизнь: пел, любил стихи, любил компании. Его прозвали Франческо, то есть «французистый». Трудно сказать, правда ли это, но так утверждает англичанин Гилберт Честертон в книге «Св. Франциск Ассизский».

Смолоду Франческо был, как говорится, безбашенным: кутил, воевал, не очень-то оглядывался на деньги. Однако он был все же тщеславен и во всем хотел первенства. Уходя из дома на войну, он громко крикнул на площади, да так, чтобы слышали все: «Я вернусь великим вождем!» В этом вызове угадывается потомок древних латинян с непременным классическим образованием и любовью к цитатам из классики. «Максимы Цезаря» юноши из хороших семей знали твердо, но не каждый мог громко пообещать, что станет великим вождем. До военных действий тогда не дошло. Джованни Бернардоне вернулся в Ассизи больным. Это и был первый сигнал свыше, поворотный момент «Пути». Во сне он услышал слова из Евангелия от Иоанна: «...мир Мой даю вам; не так, как мир дает...» (Ин. 14:27)

Эти слова обрели судьбоносное значение. Во-первых, отныне Джованни больше не во власти земного отца своего, но лишь Отца Небесного, который его избрал своим посланцем. Наступило время свободы от авторитетов земных: «...не так, как мир дает...» Во-вторых, он призван свыше «мой мир» дать людям. «Мой» — это чей же? Видимо, того, кто явился во сне со словами Евангелия от

Иоанна? Или «мой», то есть не Джованни Бернардоне, но уже Франциска из Ассизи?

Франциск не был самоуправцем, но среди людей — свободным, а у Бога — служкой.

То бурное время призывает радикалов различного толка, в том числе и новых святых. Не все и не всегда можно объяснить. Время, о котором идет речь, рекрутировало людей особого рода — настоящих духовных вождей, одержимых идеями преобразования сознания и духа. Появились характеры страстные, лишённые чувства самосохранения, «пассионарии» в прямом определении, данном Львом Гумилевым. Объяснить, конечно, можно все, но в то же время и нельзя. Почему от нашего внимания ускользает время столь глубоких новых явлений? «Богородичный культ», соединившийся с культом поклонения «прекрасной даме» — платонической царице воинов-паломников и поэтов. Канон «коронации Богородицы», изображение ангелоподобных блондинок с алыми губками и розой на груди? Она «уже была» до эпохи Возрождения. Культ «Нотр-Дам», как мы уже говорили, был создан святыми схоластами вроде тщедушного цистерцианца Бернара, а не чувственной художественной богемой XV века. И в то же время именно Бернар Клервоский оскопил великого Абеяра, певца Элоизы, интеллектуалки и страстной возлюбленной ученого... Не роман Бальзака все-таки, но его предшественник. Бернар, чья душа — чистилище борьбы света и тьмы, был канонизирован всего через двадцать лет после смерти, в 1174 году.

В 1234 году канонизирован испанский монах Доминик де Гусман Гарсес. Он родился в семье испанского идадьго в 1170 году, а умер в Италии в Болонье в 1221 году. Орден доминиканцев (псов Господа) занимал важное место в политической и культурной жизни Европы.

Последователем Доминика был Альберт Великий (1193–1280), признанный Учителем Церкви. Его деятельность связана с Падуанским и Парижским университетами, Регенсбургом (где он был епископом), Кельном, где умер. Его сочинения по вопросам теологии, философии, античной филологии и алхимии насчитывают 38 томов. Альберт Великий преклонялся перед Аристотелем, был настоящим исследователем природы и, что очень важно, систематизатором. Его труды по ботанике, географии, минералогии, действию вулканов и многие другие не утратили актуальности в современной науке. Поражает универсализм ученого в сочетании с истовостью католика-доминиканца.

Учеником Альберта Великого был Фома Аквинский (1225–1274). Фома Аквинский создал комментарий к «Библии» и 12 трактатов об Аристотеле, книги о Цицероне, арабском ученом Авиценне, еврее Маймониде. Фома Аквинский объединил свои труды в два фолианта: «Сумма философии» и «Сумма теологии». Он занимался проблемами познания, психологии, а труды по «пассивному» и «активному» интеллекту интересны и сегодня. Он писал о разнице между научным познанием и «сверхъестественным откровением», то есть о том же, о чем пишем и мы сейчас. О том, чему можно и чему нельзя обучить. Святой Фома Аквинский четко понимал разницу между обучением и одаренностью. В переводе на современный язык понятий это означает, что в Литинституте научить стать Пушкиным невозможно никакими усилиями. Эллинист и доминиканец, мистик-схоласт и современный мыслитель в XII веке? Он имел диспут со святым Бонавентурой, францисканцем, верным последователем святого Франциска, о бытии Божьем и о доказательствах того бытия.

Святой Бонавентура — вот парадокс! — умер от аскезы, то есть истоще-

ния, недоедания, будучи кардиналом папы и генералом францисканского ордена. Он, как и Фома Аквинский, был многогранным ученым, человеком всесторонних интересов: знал античность, занимался алхимией, создавал (задолго до Парацельса) лекарства.

В отличие от святых книжников, интеллектуалов своего времени, Франциск интеллектуалом не был. Он не писал научных трудов. Он был поэтом, писал стихи и песни о Боге и его творении. Он не «восходил» к учености, но «спускался» к чистоте и наивности детства. В этом было его отличие и огромная сила. Та самая «слеза ребенка», о которой писал Достоевский, ибо в культуре ничего не может потеряться.

И валлийский миф именно в это время, на границе XII–XIII веков, творит реальность истории Короля Артура, идеального рыцаря, творит утопию чаши Грааля. И все же, если вспоминать о духовных подвижниках времени, «богах места», сегодня это святой Франциск, который открывает «золотые ворота» Возрождения тем, что являет собой образ свободной, умиротворяющей, могучей личности, человека гармонии и ответственности. В отличие от других духовных подвижников своего времени, Франциск был не социален, не зависел от общества, но был свободен и шел к цели творения «своего мира» прямо, не считаясь с социальной реальностью. Не имея пристанища, никакого дома, он был как лист, гонимый ветром. Нищий, не имеющий ничего, даже смены одежды, он был знаменит и почитаем не менее пап и политиков своего времени. И есть секрет его публичности и популярности уже при жизни, его «центральности»: странное сочетание «малости, меньше видимого» и гигантизма, отказа от тщеславия.

Когда в 1220 году святой Франциск с двенадцатью «братьями» пришел (точно рассчитав, ничего не рассчитывая)

в Рим в Латеранский дворец к папе Иннокентию III, тот, зная его уже по слухам, ахнул. Перед сияющим владыкой стоял грязный босоногий нищий. Легенда гласит, что Папа «послал его к свиньям». Это было ругательство, но Франциск понял все буквально и смиренно пошел к свиньям. Ночью же папе приснился сон, будто падает Латеранский собор и давешний нищий подпер его плечом. (Этот сюжет часто изображается художниками в житийной живописи святого Франциска.)

Когда наутро еще более грязный и вонючий нищий снова предстал перед Папой, вопрос об учреждении «Ордена странствующих нищих братьев» был решен и скреплен папской буллой, а Устав будущего ордена уже был написан. Франциск не сомневался в своей победе.

Пылинка Бога, бездомный нищий аскет, питавшийся объедками, называл себя «вестником Великого Господа», а еще «ликующим в Господе» и «потешником Господа». «Потешник Господа» выступил на сцене Италии как рупор Господень, и его слушали все, и все слушались. Потому что он действительно был избран «ликующим в Господе», сам знал это и умел внушить всем людям без разбора их социального значения: от разбойника до папы, от прокаженного до богача. Вот она, демократия пред очами Господа, и вот он — Франциск — его посланник. Его современники в кельях-кабинетах, лабораториях, а он — на открытой сцене, на подмостках мира.

Франциск ходил в окрестностях Ассизи около 1207 года и просил «Христа ради» не хлеб, но камни. Франциск никогда не просил подаяния хлебом и деньгами. Из камней же он восстановил разрушенную часовню Святой Девы под названием Порциункула и жил возле нее в ветхом шалаше. «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха». (Мф. 10:9-10) Он бросил

посох и опоясал себя веревкой. «Потешник Господа» обрел свой классический отныне облик. На вопрос «Что угодно Господу: молитва или проповедь?» он дал ответ: стал проповедником.

Биографию святого Франциска давно принято разделять на периоды. Каждому периоду предшествует некое событие, знамение. Во-первых, это был уход из родительского дома. Все оставить, все отринуть, уйти и в рубище петь под снегом. Какой театральный образ! Что поделять — Франциск выражает в театральности свой национальный характер, национальный жест. Все очень серьезно и театрально одновременно. Во всем открытая взору театральность: вот он учит птиц, вот изгоняет дьяволов из Ареццо — это диалог с современниками, диалог психологического воздействия на современников. В этом сила и отличие святого Франциска. Он актер разомкнутой сценической площадки, большого пространства. Он — в центре.

Переходу к новому этапу — проповедничеству, странствиям, охвату мира неистово и с детской улыбкой — предшествовали погружение в молчание, отшельничество, пещера.

Мы не однажды говорили о том, что есть пещера. Это всегда сакральное место нового рождения или полного преобразования. Из пещеры не выходят, но являются в новом обличье. Пещера, где укрывался два года Франциск (примерно до 1209 года), сегодня — неперемнное место паломничества, туристическая достопримечательность Тосканы.

Пещера святого Франциска находится в Ла Верна, недалеко от дома, где родился Микеланджело. Рядом церковь, украшенная панно и скульптурами великой семьи художников-керамистов делла Роббиа. Пещера же расположена в небольшом «райском саду», где цветут розы, журчит святой ручей, летают птицы. К пещере можно подойти и даже

как-то втиснуться внутрь, но представить реально жизнь в ней невозможно. Франциск любил свою аскезу и нищету, как богач любит деньги, эпикуреец — радости жизни. Он упивался отрешением и свободой. И там, где он находился, всегда и навсегда благоухание эдема.

Это парадокс. И наг, и скромн, и тих. А все бряцает литаврами, горит медью, шумит молвой. Ни одно из мест, где ступала нога нищего проповедника, где он присел, вырыл колодец, поставил отметину своего пребывания, не потеряно. Можно предложить маршрут — «Путями святого Франциска». Он никогда не был в забвении. Его ясной таинственной тени вот уже более 800 лет.

У святого Франциска была своя прекрасная дама. Любовь небесная — святая Клара! Родом Клара была также из Ассизи. Ей было семнадцать лет, когда Франциск, скажем так, похитил Клару из богатого отчего дома. Совершенно классический вариант любой новеллы «галантных времен». Вспомним современника Джованни Бернардоне (святого Франциска) француза Пьера Абеляра, теолога и ученого, соблазнившего свою ученицу, прекрасную Элоизу. Какое тяжкое наказание понесли оба за свой грех! Оба окончили жизнь в монастыре, скажем, не совсем добровольно. Абеляр же был наказан лишением мужских достоинств, то есть оскроплен. Человек, по велению которого Абеляр был оскроплен, — Бернард Клервоский. Заклятые враги под конец жизни стали даже друзьями. Евнух социально не опасен. Вот они, «страсти-мордасти» XII века.

Не то — святой Франциск. Вряд ли у кого-либо из святых была такая «прекрасная дама»:

Безумья и огня венец
Над ней горел.
И пламень муки,
И ясновидящие руки,

И глаз невидящих свинец,
Лицо готической сивиллы,
И строгость щек, и тяжесть век,
Шагов ее неровный бег —
Все было полно вещей силы.

М. Волошин

Клара по силе духа, последовательности, вере была ровней святому Франциску. Прекрасные дамы земных владык... Ута, завернувшаяся в длинный плащ, ждущая рыцаря Эхгарта. Придуманные и реальные дамы рыцарской культуры. Донны и Музы поэзии и живописи грядущих эпох рождены воображением и гением творцов. Клара была реальностью. Она — соратник новой миссии проповедника.

Сбежавшая из дома Клара стала духовной ученицей и спутницей Франциска. В ночь побега их тени можно было разглядеть на фоне костра на холме близ Ассизи. Они преломили хлеб и говорили о Боге. И никогда никаких сомнений в высокой миссии, насмешек, сплетен, кривотолков. Затем к Кларе присоединилась ее младшая сестра. Любовь небесная всегда сильнее любви земной. Клара не замечала житейских невзгод. Как и Франциск, она любила лишения, нищету, целомудрие, голод точно так же, как иные любят наряды, достаток и блуд. Благодаря святому Франциску Клара создала свой женский монашеский орден. Это орден кларисс (или клариссинок), он живет и здравствует донныне. Его устав, составленный святой Кларой (иногда кларисс называют вторым орденом святого Франциска), имел много нововведений. Клариссы сосредоточились на обучении пению, рукоделию, домашним премудростям. Жизнь кларисс, уставно строгая, была разнообразна и милосердна. Сестры милосердия берут начало в монастырях францисканок.

Однажды святой Франциск, мыслящий глобально, решил остановить Кре-

стовые походы и обратить мусульман в христианство. Недолго думая, он кинулся в Сирию, прибыл в штаб Крестового похода к осажденной крепости Дамьетте и быстро нашел ставку неверных. Он говорил с султаном и вполне искренно полагал, что убедил султана и его двор принять христианство и крещение. Чудом было его возвращение живым. Безумный этот поступок был вполне в духе «лютни Господа». Он не думал об опасности или провале. Франциск был свободным человеком, и эту свободу и демократию он предложил своему времени. Ты ничем не связан, кроме обета перед Господом, ты равно готов помочь всем и всех понять. Вот почему ни в одном из своих подвигов Франциск не сомневался. Любовь и взаимное понимание предлагал он своему времени. Для Франциска все были братьями, и он создал орден «братцев-францисканцев». Братец, сестрица — его любимые обиходные слова. Всегда весел и вежлив, любезен со всеми без исключения. Без исключения братьев и сестриц малых: зайцев, птиц, лесного населения.

«Друг мой заяц», «друг мой осел». Он просил прощения у кошки. Однажды, собираясь проповедовать в лесу, где пели птицы, он вежливо обратился к ним: «Сестрицы мои птички, если вы сказали, что хотели, дайте сказать и мне». И все птицы смолкли, чему мы безусловно верим. Бог одинаков в любви к своим творениям.

Веку Крестовых походов, всеобщей войны против всех, жестокости и предательства святой Франциск с наивностью ребенка, силой воли воина и целеустремленностью политика противостоял всемерной и всемирной добротой, нежной улыбкой, словом «братцы». И мир прислушивался к его слову. Он имел сторонников. Власти посмеивались наивности его утопий, но поддерживали это противодействие разрушению. Мир для него, как для поэта и святого, был яростен, чист и целен.

Однажды некий дворянин по имени Орландо де Кьюзи с землями в Тоскане подарил святому Франциску гору. То была гора Алверно в Апеннинах. Правила ордена запрещали принимать деньги, но о горах ничего не говорилось. Святой Франциск принял гору. Он уходил на гору, чтобы молиться и поститься, и никого не брал с собой. И там, при странных обстоятельствах, ему было явление серафима.

Гора, равно как и пещера, — отметины судьбы избранников. Пещера — утроба земли, место нового рождения. Гора — вертикаль, ось мира, близость неба, восхождение. Пещера (ясли) — место рождения Иисуса. Свет горы Фаворской — место Преображения. Франциск как бы повторяет — не копирует, но воспроизводит житие Спасителя. Он тень и лютня Владыки. Правильность пути праведнического. Он восходит к горе и становится «посредине мира». Посредине мира на земле, посреди людей, животных, птиц, деревьев. И на вершине Алверно, которая сама посредине, в центре мира, получил он знак неоспоримого сопричастия Учителю. Одиноким Франциск там был пронзен и забылся в экстазе, а когда очнулся, увидел следы гвоздей на своих ладонях. Это были стигматы распятого Господа. «И он мне грудь рассек мечом, и сердце трепетное вынул», — это написал Пушкин о явившемся ему в «пустыне мрачной» серафиме. Явление серафима поэту — окончательное определение, последнее уточнение формы поэта-пророка.

Всю жизнь одолевая свой Путь, под конец жизни он воскликнул: «Никогда, никогда не предавайте этих мест! Куда бы вы ни шли, где бы ни бродили, всегда возвращайтесь домой»².

² «Цветочки Франциска Ассизского» (Перевод А. Ельчанинова). СПб., 2006, с. 436.

«Даруй мне заронить любовь в сердца
зlobствующим,
Принеси благодать прощения ненавидящим,
Примири враждующих.
Укрепи верою сомневающихся,
Даруй мне возродить надеждой
отчаявшихся,
Одари радостью скорбящих» —

эту молитву о мире написал святой Франциск Ассизский, в миру Джованни Бернардоне.

Бернард Клервоский, равно как и святой Доминик, был в миру политиком с дальновидными решениями. Святой Франциск заключил в объятия весь тварный мир, призывая «милость к падшим». Его девизом был призыв к любви, уважению, любезности, братству. И пока он шел по земле, ему казалось, что все так и было. Лев Толстой, принц Гаутама, Ганди, Франциск, доктор Швейцер пребывали в этом мире, придавая земной оси нужный градус наклона.

Однако после смерти святого Франциска, похороненного на родине в Ассизи, орден пережил разные времена и смуты и утратил чистоту, которую нес маленький человек в рубище, подпоясанном веревкой. И не слетались сестры-птички, и не приходили братец-волк и братец-заяц. Память о дивном гении и чуде обросла житиями и легендами, его деяния были много раз описаны, и в мире навсегда остался его образ и след его борозды.

После смерти святого Франциска многое изменилось. Братья спорили о том, в каком направлении двигаться. Впрочем, это обычное дело: после смерти лидера паства остается без поводыря. Орден нищенствующий, а монастыри богатые. В данном случае для нас интересны некоторые последователи Франциска, а не весь орден.

Несомненно выдающейся личностью был Бонаventura (о котором мы уже

упоминали), канонизированный Сикстом IV в 1482 году (в миру Джованни Фиданца). Тонкий теолог, алхимик Бонаventura был «генералиссимусом» ордена францисканцев и следовал такой строгой аскезе, что говорили, будто он умер от истощения, будучи уже не только главой ордена, но и кардиналом Григория X. Святой Бонаventura глубоко понимал тезис о межъязыковом братстве, о понимании и духовном слышании друг друга людей разноязыких. Изучая главные языки, он стал лингвистом и переводчиком. Переводы знакомят, роднят народы, приобщая их к духовным ценностям чужой культуры. Среди прочего Бонаventura перевел арабский текст о загробном странствии пророка Мухаммеда в сопровождении архангела Джабраила по аду. Данте Алигьери был хорошо знаком с этим популярным текстом в переводе Бонаventura. Так что переводческая деятельность — францисканство чистой воды. Бонаventura, будучи аскетом и теологом, тем не менее увлеченно занимался опытами получения философского камня. Камня он не добыл, но получил лечебные порошки, то есть был врачом-фармацевтом и лечил людей.

Францисканские ученые, последовательные в своем искании путей единения, отличались от принципиально антиинтеллектуального, интуитивного своего лидера. Но, вникая в суть учения, были людьми «мира в мире».

Францисканский монах-аскет падре Оливери (тосканец) в XVII веке пришел в Тибет. И с тех самых времен и доньше установлен «великий путь» тибетских монахов в Италию, где они популярны, имеют широкую поощрительную деятельность, о чем можно написать отдельное исследование «Францисканский католицизм и тибетский даосизм».

И уже в наши дни, в 1933 году, глава францисканского археологического института во Флоренции брат Антонио

Фармуцци возглавил поиски в Иордании библейской горы, с вершины которой вознесся пророк Моисей. Археологи нашли гору Небо, создали там музей, доказали историчность места. А когда работа была закончена, подарили весь свой труд государству Иордания и уехали домой. Чтобы не было помех в работе, они предварительно купили на собранные деньги никому не известный участок земли с горой, а когда закончили весь цикл работ, отдали гору Небо и ушли. Мы уже говорили, что гора — всегда середина мира. Вершина — некая точка, а вокруг панорама, и ты — в центре, а точнее — посредине мира. Когда ты на вершине горы Небо, нет сомнений в том, что именно из этой точки пророк Моисей ушел к тому, кто его послал на землю. Гуманистическое францисканство — самая актуальная сегодня позиция. Это бескорыстная помощь миру, и понимание, и осознание себя через других, и ответственность «посредине мира».

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Арсений Тарковский

«Два берега связующее море, два космоса соединивший мост»... Таким был и Джотто Бондоне, флорентинец.

С одной стороны, Джотто, как и Данте Алигьери, как и святой Франциск, — мост, соединивший, связавший собой, своим гением два космоса, две эпохи: теологию и гуманизм. Получив стигматы через серафима, посланца Отца Небесного, святой Франциск в центре мира видел «цветочки», «брата зайца», человека, то есть боготворение. Джотто — историческое (евангелически-библейское) событие, творимое человеком. Одним из любимых

героев Джотто был святой Франциск Ассизский. Был ли Джотто францисканцем «в ордене», неизвестно, но, безусловно, художник разделял взгляды великого проповедника. И то, что Джотто как раз тот, с кого начинается новое летоисчисление, давно ни у кого не вызывает сомнений.

Есть и более радикальная позиция. «Джотто вышел в трансцендентный ноль», — изрек как-то философ Мераб Мамардашвили. Смеялись мы недолго. Ну конечно же! Джотто начал с нуля, как и Франциск. Прецедента столь могучей личности в новой европейской живописи до него не было. И трудно представить, что Чимабуэ — это учитель Джотто, а Дуччо — его современник. Он, Джотто, шагнул в другое измерение. Он не наследовал даже самым талантливым мастерам старой византийской школы. Он прервал в Италии византийскую традицию, осиянный гением, открыл двери в совсем иной мир и шагнул за порог неведомого.

Во Флоренции в музее Уффици рядом расположены мадонны Чимабуэ и Джотто. Картины имеют некоторое формальное сходство композиции: доска пятиконечной формы повторяет портал собора. Смысл в том, что Богородица с младенцем находится как бы внутри собора. Но даже беглый взгляд зрителя непременно отметит разницу между мастерами. Изящество письма Чимабуэ, изысканность готических линий, формальное византийское письмо темного восточного лика Мадонны, телесная бесплотность, невесомость рук... Изображение Чимабуэ мы все еще называем иконой. Икона Джотто ломает эти условные строгие правила. Собственно, это уже и не икона. Тело Марии не бесплотно, это живая человеческая плоть. Белая сорочка подчеркивает грудь. Широкоплечая белокурая молодая женщина держит (именно держит, охватывает) на коленях

телесного младенца. Значение этого изменения трудно недооценить: Богородица становится Мадонной. Отныне, от Джотто начиная, у каждого итальянского художника своя мадонна, свой излюбленный женский тип, ничуть не напоминающий восточный «ликовый» канон. В русской иконописи ликовый канон существует по сей день. Религиозное и светское искусство в русской традиции разделены. С начала XVIII века, от реформ Петра I, светское искусство портретов, пейзажей, исторической живописи развивается, и быть иначе не может. Но религиозная живопись живет по законам иконостаса и церковных канонических правил. Если лик Богородицы станет лицом — значит, иконы не стало. В западной культуре через Данте и Джотто образ Мадонны привычно сквозит чертами «прекрасной дамы». В России такая форма явилась поздно в творчестве Михаила Врубеля, который изобразил Эмилию Прахову в иконостасе Кирилловской церкви в Киеве. Но это, во-первых, XX век, а, во-вторых, редчайшее исключение из правил.

На рубеже XIII и XIV веков Джотто изменил направление, по которому развивалось искусство. Мадонна торжественно, преисполненная земного женского достоинства, являет себя и младенца миру. Она мать, жена, царица. Ни печали, ни жертвы. Она величественна и спокойна. Джотто писал тех женщин, среди которых рос: крупных, несуетливых, с косами вокруг головы, нежными сильными руками и лицами. Вокруг трона Мадонны хор ангелов, держащих большие церковные свечи. Перед инкрустированным, словно драгоценная шкатулка, трон — коленопреклоненные ангелы-пажи с букетами цветов. Цветы же написаны как в хорошем современном академическом натюрморте. Цветок — к букету, лепесток — к цветку. Об этом, впрочем, разговор еще будет впереди.

Появление Джотто было воспринято с радостью и размахом. Мир ждал обновления. «Он писал столь совершенно, что завоевал славу величайшую»³.

Во Флоренции в церкви Санта-Кроче в капелле Барди и сегодня можно видеть фреску «Смерть святого Франциска Ассизского». Это большая, сложная по композиции картина. Фрески Джотто следует уже называть картинами, а его самого — создателем современной композиционной картины.

Францисканский цикл Джотто очень обширен. Нам неизвестно, был ли Джотто францисканцем, и мы не знаем ничего о его политических симпатиях. Хотя Италия в те времена бурлила страстями нешуточными. И мы помним, как Флоренция выгнала «белого гвельфа», величайшего гения Италии и мира, Данте Алигьери.

Флоренция — родина Данте и Джотто, колыбель Возрождения, в XIII веке ничуть не была похожа на современную. Башни, башни, башни Тосканы и сегодня поражают воображение там, где они еще остались. Одинокие башни, похожие на современные высотные дома, башни зубчатых стен придавали странный образ городам. В Лукке, Сиене, Пизе, Болонье, Флоренции городская жизнь текла внутри высотного башенного лабиринта. Иногда они окружали площади, но чаще, стоя вблизи друг друга, делали тесными маленькие улочки города. Только еще строился знаменитый Баптистерий и Дом Капитана — дворец Барджелло, место городского самоуправления. В странных башнях жили сеньоры и зажиточные люди города. Город славился богатством, изделиями из шерсти разных сортов и тонкой окраски, ювелирами, нотариусами, ростовщиками. Города были средоточием науки, горожане — читающими

³ Джорджио Вазари. «Жизнеописания». М., 2007, с.109.